

Император Чэндэ ударил по столу и вскочил на ноги.

— Какой смелости!

Стол задрожал от удара. Его суровое, будто высеченное из камня лицо исказилось от гнева, брови грозно нахмурились.

— Неужели ты хочешь сказать, что я должен делать одолжение наследному принцу?

Лу Це покачал головой.

— Вовсе нет. Речь идёт о демонстрации силы. Ваше Величество должно дать знать наследному принцу, кто истинный властелин бескрайних земель Великой Чу. Сейчас, заручившись поддержкой князя Цзянбэй, наследный принц находится на подъёме. Но он также должен понимать, что ничто не ускользает из ладони Вашего Величества. Подобный контраст непременно нанесёт ему сокрушительный удар.

Сердце, дремавшее подобно льву, начало глухо волноваться, разжигаемое пламенем. Наследный принц — престолонаследник. Будь он немного смиреннее и спокойнее, трон сам перешёл бы к нему после кончины императора. Увы, этот наследник слишком легко поддаётся влиянию. Да и сам государь ещё в расцвете сил. Поддавшись нескольким льстивым речам от подхалимов у трона, тот, кто находится на втором месте после императора, уже не может усидеть на месте.

Если бы в последнее время действия людей наследного принца не стали столь явными и не вызвали неудовольствие государя, Император Чэндэ, возможно, и не обратил бы внимания на воинскую печать Фу Чэнцы.

Ощущение управления судьбами, держания власти в своих руках даже после пробуждения было настолько приятным императору, что он даже не услышал множественных изъяснов в словах Лу Це.

Не будь увещаний Лу Це, Император Чэндэ лично не стал бы расследовать дела чиновника, не совершившего проступка, и, естественно, упустил бы прекрасную возможность.

Сказав, что заслуги и провинности уравниваются друг друга, и поскольку были и те, и другие, можно считать дело закрытым, Император Чэндэ позволил Лу Це удалиться.

Он даже более не возвращался к вопросу о воинской печати Цзянбэя.

Простояв на коленях в зале целый час, Лу Це, поднимаясь, едва опёрся на колени. Волна боли пронзила его. Не нужно было говорить — он знал, что колени, вероятно, уже посинели и покрылись синяками.

Гао Цюань лично проводил его за ворота дворца. Ранее он служил у входа в зал и видел, как во время вызова гнев императора было трудно скрыть. А теперь князь Лин вышел из дворца Чансин целым и невредимым. Привычно согнувшись в поклоне, с неизменной улыбкой на лице, Гао Цюань теперь излучал ещё и оттенок подобострастия.

На следующий день Лю Бина, ответственного за мероприятия по оказанию помощи пострадавшим от бедствия, вызвали во дворец. Пронёсся смутный слух, что по неизвестной причине ранее согласованные планы внезапно изменились. Император внезапно сместил его с должности, и даже его престарелую мать, скрывавшуюся в родной деревне и почти готовую

отойти в мир иной, выкопали оттуда. Противник явно подготовился.

Канцлер Цзян не знал, сколько раз он уже вздыхал. Всё было подготовлено безупречно, но теперь, когда дело приняло неожиданный оборот, его стала одолевать скрытая тревога.

Выражение лица наследного принца, сидевшего на почётном месте, тоже не выглядело радостным. Лю Бин был человеком, которого канцлер Цзян лично продвинул. Один только путь на юг, в Цзяннань, сулил неисчислимые выгоды от местных чиновников.

Загадочные события на этом не закончились. Разразилась ещё одна новость, подобная удару грома. Император Чэндэ приказал, чтобы в этот раз за оказание помощи пострадавшим в Цзяннани отвечал лично наследный принц. Во-первых, чтобы будущий правитель лично ощутил тяготы народа, во-вторых, чтобы от имени императорской семьи проявить заботу о людях. Князь Цзянбэй и князь Лин должны сопровождать его.

Князь Цзянбэй, поскольку его родная мать происходила из знатного рода Цзяннани, отправлялся туда для посещения родни, а также чтобы поддержать наследного принца. Но то, что императорская семья также направила князя Лина, действительно вызывало недоумение.

Во время тяжёлой болезни наследного принца князь Лин, исполнявший его обязанности, нажил непримиримых врагов среди сторонников наследного принца. Теперь, когда князь Лин и наследный принц вместе отправляются в Цзяннань, неизвестно, кто кого будет больше раздражать.

Отряд, отправляющийся в Цзяннань, изначально был многочисленным. Чтобы не привлекать излишнего внимания в пути, решили не увеличивать его ещё больше.

Две кареты плюс элитный отряд — всего менее двадцати человек. Отправившись утром, они замаскировались под трёх братьев, возвращающихся в Цзяннань навестить родных. Двигаясь по главной дороге, они быстро достигли довольно глухого городка на окраине столицы.

Трое, вышедшие из карет, были одеты дорого и благородно, каждое их движение излучало аристократизм.

На них сразу же устремилось множество взглядов. О скромности и сдержанности, о которых договаривались в пути, не осталось и следа.

Стемнело. Несколько человек остановились на ночь в лучшей гостинице городка. Фу Чэнцы лично отправился на задний двор за едой. Ещё в карете он заметил, что Лу Це выглядит вялым и нездоровым, его лицо бледное как бумага. К тому же, пропустив время ужина, тот так и не вышел. Так и случилось, что Фу Чэнцы, редкий случай проявления милосердия с его стороны, поднялся наверх.

Взглянув на поднос с ещё тёплой едой, он нахмурился, а затем не смог сдержать резких слов.

— Если бы он и вправду умер, какое мне дело?

Комната Лу Це была выбрана в углу, с одним небольшим окном. Дневной свет сюда не проникал. Дерево, открытое воздуху, из-за постоянной сырости имело лёгкий кисловатый запах гнили, даже воздух был пропитан исчезающей влажностью.

Из комнаты донёсся плеск воды. Лу Це резко поднял голову из воды. Несколько прядей мокрых волос спадали по обеим сторонам лица, остальные плотно прилипли к белой спине. Частые

вздохи. Небольшие капли воды дрожали на густых длинных ресницах. Тело под водяной дымкой излучало лёгкое сияние, смутное и сказочное.

Проведя ещё некоторое время в тёплой воде, Лу Це наконец поднялся. Его фигура была стройной и подтянутой, особенно талия. На животе были слабо выраженные четыре группы мышц, линии плавные — не грубые, но и не излишне утончённые, всё в меру. Наспех обернувшись халатом, лежавшим рядом, он вышел. После травяной ванны всё тело пропахло лёгким горьковатым лекарственным запахом.

Жуань Дао был послан купить благовония. Лу Це лежал на длинном стуле, позволяя длинным мокрым волосам капать рядом. Вскоре на полу образовалась небольшая лужица.

У двери слышались шаги, раздалось два стука.

— Входи, — Лу Це подумал, что вывезти человека с собой — это хорошо. По крайней мере, тот научился стучать, прежде чем войти.

Когда послышался звук поставленного подноса, Лу Це глухо бросил лежавшее рядом полотенце.

— Покупаешь что-то так долго. Быстрее, я уже умираю от сонливости.

Фу Чэнцы, глядя на полотенце в своих руках, слегка нахмурил длинные узкие глаза. Увидев его длинные влажные распущенные волосы, он вздохнул и подошёл к нему.

Лу Це лежал на длинном стуле, подбородок на мягкой подушке. Это была лень, исходящая из глубины костей. Ощущения на коже головы были умеренными, приятными, вызывающими сонливость.

Он собрался с силами, опущенные веки слегка дрогнули.

— И в этом месте можно купить благовония? Ты же не стал обманывать меня, сорвав какие-то полевые цветы и травы у дороги?

Человек, вытиравший ему волосы, не ответил, руки не останавливались. По ощущениям, он, должно быть, использовал внутреннюю силу. Тепло передавалось через кожу головы, заставляя невольно глубоко вздохнуть.

Парень сегодня в ударе!

— Ты только что принёс поднос наверх? Пахнет едой? — Лу Це слегка сморщил нос, пытаясь уловить запах для проверки, но поднятую голову снова надавили вниз.

Фу Чэнцы, опустив взгляд, мог видеть красный след, оставленный на той щеке от давления. Глаза были закрыты, выражение покорное.

Несколько попыток Лу Це сопротивляться ни к чему не привели. Тяжёлые веки не выдержали и приподнялись. Перед глазами оказались чёрные сапоги.

В то же время сверху донёсся холодный голос, лишённый всяких эмоций.

— Волосы спутались. Не дёргайся.

Сказавший это слегка скривил губы в усмешке. Одной рукой он несильно сжал его затылок,

освободив другую, чтобы продолжить вытирать волосы. В голосе звучала лёгкая усмешка.

— Какой послушный. Сказали не двигаться — и не двигаешься.

Затылок, жизненно важная точка, оказался в руке. Лу Це обернулся и холодно усмехнулся.

— Как князь Цзянбэй оказался здесь?

Фу Чэнцы сделал вид, что не слышит, бросил полотенце, пропустил пальцы сквозь его волосы, распутывая их.

— Зачем ты велел купить для себя благовония?

[Лу Це: Ай! — на волосы надавили!]

Фу Чэнцы (озабоченно): А теперь так?

Лу Це (раздражённо): Всё равно надавили!

Фу Чэнцы: Я уже сплю на полу, и всё равно надавливаю?

Жуань Дао за дверью: ... Вы просто издеваетесь надо мной, толстяком.

[Спасибо за чтение!]

[Сцена, не связанная с основным текстом.]

[Том третий. Туманы Цзяннани.]

Ладонь Фу Чэнцы была широкой, костяшки пальцев длинными и ровными, на ладони — следы мозолей от многолетнего держания меча. Его пальцы, массирующие нежную кожу на затылке Лу Це, заставили того невольно съёжиться. Его пальцы прошли сквозь длинные тёмные волосы Лу Це, голос был необычно мягким.

Его взгляд был ясным и пронизательным, но в глубине тёмных зрачков была бездонная глубина. Не дождавшись ответа, с уголков его губ сорвалась лёгкая улыбка.

— Что же ты не говоришь?

Лу Це холодно отвёл взгляд, храня молчание.

К счастью, Фу Чэнцы не стал его принуждать. Какое-то время оба молчали. Лёд растаял в одно мгновение, исчезнув без следа. Прежняя близкая, мимолётная атмосфера в тихом противостоянии постепенно рассыпалась в прах.]

<http://bllate.org/book/15603/1392951>